

Один шанс на соблазнение

Автор:

[Джеки Эшенден](#)

Один шанс на соблазнение

Джеки Эшенден

Любовный роман – Harlequin #1036

Данте Кардинали просыпается прикованным за руки и за ноги к кровати и видит девушку, которая целится в него из пистолета. Девушка сообщает ему, что намерена убить его из мести, и Данте догадывается, что перед ним Стелла Монтефиори, представительница некогда могущественного клана, глава которого был соратником отца Данте...

Джеки Эшенден

Один шанс на соблазнение

Все права на издание защищены, включая право воспроизведения полностью или частично в любой форме. Это издание опубликовано с разрешения Harlequin Books S.A.

Товарные знаки Harlequin и Diamond принадлежат Harlequin Enterprises limited или его корпоративным аффилированным членам и могут быть использованы только на основании сублицензионного соглашения.

Эта книга является художественным произведением. Имена, характеры, места действия вымышлены или творчески переосмыслены. Все аналогии с действительными персонажами или событиями случайны.

Охраняется законодательством РФ о защите интеллектуальных прав.
Воспроизведение всей книги или любой ее части воспрещается без письменного разрешения издателя. Любые попытки нарушения закона будут преследоваться в судебном порядке.

Claiming His One-Night Child

© 2019 by Jackie Ashenden

«Один шанс на соблазнение»

© «Центрполиграф», 2021

© Перевод и издание на русском языке, «Центрполиграф», 2021

* * *

Глава 1

Данте Кардинали, один из знаменитейших европейских плейбоев, привык просыпаться в чужих постелях. Он также привык видеть красавиц, стоящих возле этих постелей и влюбленно глядящих на него. Пару раз он даже просыпался прикованным за запястья и щиколотки к кровати. Сейчас был именно такой случай.

Однако в данный момент на него был нацелен пистолет, и в этом и состояло новшество.

Данте всегда было плевать на все и на всех, кроме самого себя. И своей жизни. И сейчас ему очень не понравилось то, с какой уверенностью красавица, стоявшая у кровати, держит этот самый пистолет.

Это была та самая женщина из ВИП-зоны его любимого клуба в Монте-Карло. Он провел с ней некоторое время... в беседе... потому что у него не было настроения обольщать ее. Такое случалось с ним довольно часто, и это могло бы насторожить его, если бы он задумался об этом. Но он не задумывался. Потому что редко вообще о чем-то задумывался.

В общем, Данте не помнил, как долго они беседовали. Не вспомнил он, и когда беседа закончилась. По сути, он плохо помнил, что происходило в тот вечер, а если учесть нынешнюю ситуацию, выходило, что в какой-то момент он просто выключился.

Зато он отлично помнил пронзительный взгляд голубых глаз этой красавицы. И сейчас этот взгляд был направлен на него. Создавалось впечатление, что красавица прикидывает, пристрелить его или нет.

Но раз он все еще прикован к кровати и жив, подумал Данте, значит, у нее есть определенные сомнения. А раз есть сомнения, можно попытаться отговорить ее от этой затеи. Ведь он способен убедить кого угодно в чем угодно, если, конечно, пошевелит мозгами.

– Дорогая, – заспанным голосом произнес Данте, ощущая сухость во рту и странную затуманенность сознания, – тебе не кажется, что пистолет – это перебор? Если хочешь переспать со мной, просто разденься и ложись рядом. Надобности приковывать меня к кровати не было. – В голове стало проясняться. – И кстати, подсыпать какую-то дрянь в выпивку тоже не надо было.

Бесстрастный взгляд женщины – она говорила ему, как ее зовут, но он не помнил, – не дрогнул.

– Я не желаю спать с тобой, Данте Кардинали, – сказала она таким ледяным тоном, что Данте показалось, будто его разгоряченное тело окатили холодной водой. – А вот пристрелить тебя мне очень бы хотелось.

Итак, она намерена убить его и настроена чрезвычайно серьезно.

Конечно, Данте был встревожен пистолетом, нацеленным на него, и целеустремленностью, отражавшейся в прекрасных глазах красавицы. Однако, как ни странно, в нем превалировал не страх, а совсем другая эмоция. И это было радостное возбуждение.

Он уже давно не чувствовал ничего сродни радостному возбуждению.

Он уже давно не чувствовал ничего.

Он смотрел на нее, ощущая легкое напряжение в мышцах и учащенное сердцебиение.

– Похоже, это крайность.

– Это и есть крайность. Наказание соответствует преступлению.

Красавица продолжает целиться в него, однако на спусковой крючок не нажимает. Интересно. И почему она медлит?

Заинтригованный, Данте оглядел ее с ног до головы.

Маленькая, изящная и хрупкая, как фарфоровая кукла. Волосы цвета только что отчеканенной золотой монеты водопадом ниспадают на плечи. Черты ее лица были прекрасны: решительный подбородок, точеные скулы, идеальной формы рот.

Коктейльное платье такого же серебристо-голубого цвета, как ее глаза, подчеркивало стройность ее фигуры, ткань струилась по ее идеальному телу, обрисовывая красивую грудь и плавную линию бедер.

Просто статуэтка, а не женщина. Как раз в его вкусе.

Если не считать нацеленного на него пистолета, естественно.

– Какое преступление? – с нескрываемым интересом спросил Данте. – Ты, случайно, не сицилийка? Это кровная месть? – Вопрос был рассчитан на то, чтобы втянуть красавицу в разговор, хотя он отлично знал, что она не сицилийка: ее говор – он был ему хорошо знаком – выдавал в ней уроженку совсем другой страны.

Того самого островного государства, откуда много-много лет назад он был выслан вместе с остальными членами королевской семьи.

Того самого, где он когда-то был принцем.

Государства Монте-Санта-Мария.

– Нет. – Ее голос звучал ровно. – Но ведь ты и так это знаешь, правда?

Данте устремил на нее внимательный взгляд. Он умел разбираться в людях – во многом благодаря этому и процветала инвестиционная компания, которой он владел вместе с братом и которая оценивалась в несколько миллиардов долларов, – и за бесстрастной маской на лице красавицы разглядел проблески то ли сомнения, то ли неуверенности, точно определить он не смог.

Интересно, снова подумал он. Выглядит она убежденной и властной, а вот на спусковой крючок не нажимает. И раз до сих пор не нажала, значит, едва ли нажмет.

Данте доводилось иметь дело с убийцами, и он видел, что эта женщина не из таких.

– Да, – ответил он, тайком проверяя крепость наручников на ногах и руках. Выяснилось, что прикован он надежно. – Мне повезло: люблю умных женщин.

Она на шаг приблизилась к кровати, продолжая целиться ему в голову.

– Терпеть не могу тупых мужиков.

Пьянящий, очень сексуальный аромат, донесшийся до Данте, пробудил в его памяти обрывки воспоминаний.

Вот он сидит в своем клубе в Монте-Карло, и эта красотка ловит его взгляд и робко улыбается. Несмотря на сексуальные духи, она кажется невинной и безыскусной и, немного нервничая, говорит, что впервые оказалась в этом клубе. Он тогда поверил ей.

У него не было настроения вести светскую беседу, тем более соблазнить красотку, однако было в ее нервозности нечто такое, что заставило его пересесть к ней. Он не помнил ничего из того, о чем они говорили, однако он точно знал, что, вопреки его ожиданиям, ему не было скучно.

Не было ему скучно и сейчас.

Красотка спокойно рассматривала его, как ученый – насекомое, и в ее облике не было ни нервозности, ни робости, она совсем не походила на ту женщину, что он встретил в клубе. И это означало, что тогда все было игрой. И что он не распознал эту игру.

А ведь она молодец. Хорошо сыграла.

В Данте все сильнее разгорался интерес.

«Ты в своем уме? Она собирается убить тебя, а ты хочешь затащить ее в постель?»

А что в этом удивительного? В его жизни давно не было ничего примечательного, ему давно не приходилось отвечать на чей-то вызов. Самым интересным событием за последнее время была женитьба его старшего брата Энцо на очаровательной англичанке, и на свадьбе Данте поручили следить за поведением сына Энцо. Задача оказалась чрезвычайно трудной: мальчишка с самого начала воспринял его не как дядю, а как соучастника преступления.

После свадьбы, чтобы прийти в себя, ему пришлось провести всю неделю в обществе всяких красавиц.

Брак и дети – это совсем не то, к чему он стремится. Для него в этих явлениях нет ничего радостного и возбуждающего. Наоборот, они связывают человека по рукам и ногам и выглядят слишком приземленными, на его утонченный вкус.

Хотя, если красивой женщине под силу возбудить его простым помахиванием пистолета перед его лицом, возможно, его вкусы стали не такими уж утонченными?

Похоже, освободиться он сможет только в том случае, если очарует ее. Для него не впервой использовать свою физическую привлекательность для того, чтобы выпутаться из сложной ситуации, а нынешняя ситуация потребует от него немалого мастерства.

Не исключено, что он даже получит от этого удовольствие.

– Тупой, да? Может, я и тупой. – Данте позволил себе расслабиться. – А может, я все это время знал, кто ты такая, и просто хотел выяснить, чего тебе от меня надо.

Ее очаровательный ротик изогнулся в пренебрежительной усмешке.

– Ясно. В таком случае потрудись рассказать мне, как ты здесь оказался.

Данте изогнул бровь.

– Разве это не твоя работа? Я с нетерпением жду твоего обличительного монолога.

– О нет, ты и так все знаешь, поэтому я не стану мешать тебе. – Она вскинула голову, и ее золотистые волосы блеснули в свете лампы. – Я буду рада выслушать тебя, так что, прошу, приступай.

Данте ощутил прилив адреналина. С каждой секундой все интереснее и интереснее. Она, как ведьма, играет с ним в его собственную игру.

Он снова оглядел ее с ног до головы, собираясь с мыслями. Что ж, если она так жаждет узнать, как он воспринимает то, что происходит, доставим ей такое

удовольствие. Тем более что у него в голове уже начинает складываться определенная картина.

Если она с Монте-Санта-Марии – а это, скорее всего, именно так, – значит, самое очевидное объяснение состоит в том, что у нее есть какие-то проблемы с его семьей. Кардинали когда-то были правителями Монте-Санта-Марии, во всяком случае, до того, как отец Данте своим неумелым управлением довел страну до столь печального состояния, что правительство было вынуждено сместить его с трона и со всей семьей выслать из страны.

За время бесславного правления Луки Кардинали их семья растеряла всех друзей. Возможно ли, чтобы она была из семьи, которую обидел Лука? На вид она молода – младше него, – а ему было одиннадцать, когда семье пришлось уехать. Вероятнее всего, она чья-то дочь.

Данте плохо знал историю семьи в период, когда Кардинали правили на Монте-Санта-Марии – он изо всех сил старался забыть эту страну, – но он помнил одну аристократическую семью, славившуюся своей красотой и, в частности, золотистыми волосами.

– Ну, если ты настаиваешь, – сказал он. – Мне знаком твой акцент, если не ошибаюсь, ты с Монте-Санта-Марии. Если прибавить к этому твою явную неприязнь ко мне, легко сделать вывод, что ты из тех, кого когда-то обидел мой отец. – Он внимательно наблюдал за ее лицом. – Но ты слишком молода, поэтому лично тебя Лука обидеть не мог. Из этого вытекает, что речь идет о твоей семье. И если судить по твоей речи, я бы сказал, что ты из аристократической семьи. Вероятно... – В его памяти наконец-то всплыла фамилия. – Из Монтефиори.

Что-то промелькнуло в ее восхитительных глазах. Изумление, наверное.

Что ж, он был прав. Отрадно.

– Это все предположения и догадки, – отмахнулась она и еще крепче сжала рукоятку пистолета. – Ты ничего не знаешь.

– И еще ты отлично умеешь притворяться. – Данте улыбнулся. – Если ты все же намерена нажать на спусковой крючок, советую тебе сделать это сейчас. Или ты хочешь, чтобы я умер от тревоги и избавил тебя от необходимости стрелять?

- Ты думаешь, все это шутки?

- Пистолет, нацеленный мне в голову? Нет, не думаю. Но если ты считаешь, что я впервые просыпаюсь прикованным к кровати, то ты жестоко ошибаешься.

- Послушай, Кардинали, это не эротические игры!

- Это-то ясно. В противном случае ты была бы голой, да и я тоже, и ты называла бы меня Данте. Или страстно выкрикивала бы мое имя.

Ее щеки тронул легкий румянец, и от внимания Данте не укрылось, как она окинула взглядом его тело.

Великолепно. Значит, он ей не совсем безразличен.

К радостному возбуждению, владевшему Данте, прибавилось удовлетворение. Все будет значительно веселее, чем он предполагал.

- Что-то ты больно спокоен для человека, которому предстоит умереть.

Вероятно, ей не понравилось его скептическое отношение к ее угрозам. Что ж, ничего удивительного.

- Если бы мне предстояло умереть, я бы уже давно был мертв. А ты просто подмешала что-то в мою выпивку, сговорила с моими телохранителями, а потом каким-то образом доставила меня... - Данте быстро огляделся по сторонам. Помещение напоминало стандартный номер в пятизвездочном отеле. - В общем, сюда.

Приковала наручниками к кровати. Дождалась, когда я проснусь, а потом завела со мной беседу, вместо того чтобы нажать на спусковой крючок. - Он понизил голос и добавил в интонации немного лености, дабы придать ему чувственности. - А если учесть тот взгляд, которым ты, дорогуша, только что окинула меня, тебе хочется не убивать меня, а делать со мной кое-что другое. - Он улыбнулся ей своей самой чарующей улыбкой, которая еще ни разу не подводила его. - Что ж, приступай. Ты уже привязала меня, так что я полностью в твоей власти.

Стелла Монтефиори не догадывалась о том, что убить Данте Кардинали будет так трудно. Он богат, занимает важное положение в обществе и почти постоянно окружен людьми. Все это в значительной степени осложняло ее задачу. Она целых полгода искала подступы к нему и наконец достигла своей цели. И на этом пути ее поддерживало сознание, что семья, в частности отец, рассчитывает на нее.

Отец горел желанием отомстить за смерть сына и восстановить утраченную честь Монтефиори. Для нее же это была возможность реабилитироваться – ведь родители так и не простили ей смерть сына. Она больше не хотела совершать ошибки. У нее не было права на ошибки.

И у нее все шло по плану. Данте здесь, в ее власти, как он сказал. Так почему же она не может нажать на спусковой крючок?

Стелле удалось затащить его в номер и уложить на кровать с помощью гостиничного персонала, которому она заявила, будто он пьян в стельку. Потом она приковала его за ноги и за руки. Так что он не представлял никакой опасности.

Хотя...

Высокий, стройный и мускулистый, Данте занимал почти всю ширину кровати. Он держался спокойно и поглядывал на нее из-под густых черных ресниц, как будто привык каждое утро просыпаться под дулом пистолета. Вся ситуация его нисколько не встревожила, и Стелла даже заметила лукавый блеск в его темных глазах.

Такого развития событий она не предполагала, хотя и должна была бы, если учесть, сколько сил ей пришлось потратить для того, чтобы он оказался здесь. И сейчас ей не нравилось, как складывается ситуация, ей не нравилось то, как все ее существо отзывалось на Данте Кардинали.

Она чувствовала, как часто стучит ее сердце, и объясняла это приливом адреналина и успехом ее предприятия, а вовсе не своей реакцией на пленника. Она велела себе забыть о том, как он привлекателен, собрать всю свою отвагу и

сосредоточиться на том, чтобы нажать на спусковой крючок.

– В таком случае, – проговорила Стелла, стараясь сохранить спокойствие, – тебе стоило бы молить о пощаде и не предлагать мне забраться к тебе в кровать. Я бы скорее умерла, чем переспала с тобой.

Он рассмеялся. Его смех окутал Стеллу, как теплый и мягкий бархат.

– Ой, уверен, ты бы так не поступила, – твердо заявил он. – Пять минут – и о пощаде будешь молить ты. Только речь пойдет отнюдь не о жизни... Стелла Монтефиори.

Стеллу словно обухом огрели по голове. Шок изгнал тот жар, что распалил в ней чувственный смех Данте, и заставил ее забыть о его вопиющей наглости.

Он знает, как ее зовут!

«Убей его! Убей его немедленно!»

У Стеллы вспотели ладони. Сколько раз она стреляла по банкам в тире! Этот тир отец оборудовал для нее в холмах позади обветшавшего дома, в который все они переехали после ареста брата. Она спешила в этот тир сразу после смены в местном ресторане, где служила официанткой, – другой работы она найти не смогла, никто не хотел нанимать кого-то из Монтефиори, – и неустанно тренировалась. Но стрелять по банкам – совсем не то, что стрелять в человека. И лишить его жизни. Своей рукой.

Она сглотнула. Во рту пересохло.

«Не думай о нем как о человеке. Это месть. За Маттео. За тебя».

Да, от нее требуется только одно – нажать на спусковой крючок. И все закончится – отец утолит свою жажду крови, смерть Маттео будет отомщена, она получит прощение.

«Ведь ты сама просила об этом, помнишь?»

Отец хотел нанять постороннего человека, но Стелла сказала ему, что будет лучше, если эту задачу выполнит кто-то из членов семьи, чтобы сохранить все в тайне. Она предложила на эту роль себя. Однако отец заявил, что она слишком слаба для такой работы, слишком мягкосердечна. Она настаивала, уверяла, что у нее все получится.

И ведь получилось бы. Легко.

Только нажать на спусковой крючок она не может.

– Ты ошибаешься, – сказала Стелла, не понимая, зачем она спорит с ним, когда все ее проблемы можно решить одним движением. – Меня зовут по-другому.

– Разве? – Его глаза блеснули, почти совершенной формы губы слегка дрогнули в усмешке. – Что ж, значит, я ошибся. – Его глубокий голос подействовал на нее так же, как и его смех.

Этот голос произвел на нее неизгладимое впечатление в тот вечер, когда она впервые увидела Данте Кардинали вживую, а не на фотографии. Она много месяцев изучала его самого, его биографию, его образ жизни и его бизнес. На основе той информации, что ей удалось найти, вырисовывался образ беспутного, но очаровательного плейбоя, который больше времени проводит в клубах, чем работает в кабинетах «Кардинали девелопмент», огромной транснациональной компании, которой Данте владел пополам с братом Энцо.

«Мир не станет скучать по нему, – однажды со злостью произнес ее отец, Санто Монтефиори. – Он такой же эгоист, как Лука. Еще один кусок дерьма из семейства Кардинали».

Вчера Стелла пришла в тот клуб в Монте-Карло, но ее остановил вышибала, охранявший ВИП-зону, – у нее не получилось нацепить на лицо выражение ледяной изысканности и уверенно пройти мимо него. Неожиданно из ниоткуда появился Кардинали. Он сказал вышибале, что все в порядке, что Стелла пойдет с ним. Вчера он совсем не выглядел как кусок дерьма. Особенно когда улыбался ей. Потому что он улыбался ей искренне, его улыбка была доброй, обнадеживающей и... необъяснимо успокаивающей. Весь вечер он был очень заботлив и как бы взял ее под свое крыло, усадил в тихом уголке, принес напиток. Потом сел напротив, и они оживленно беседовали обо всем и ни о чем.

Стелла ожидала увидеть циника и хищника, а Кардинали оказался не тем и не другим. Хуже было то, что он был очень красив и наделен магнетическим шармом. Она даже забыла, ради чего пришла в клуб. Он окружил ее вниманием, и она почувствовала себя центром маленькой вселенной. Для нее, для той, кого всю жизнь считали вторым сортом, это ощущение было внове и опьяняло.

Все изменилось в тот момент, когда Данте Кардинали посмотрел на дорогие золотые часы и сказал, что ему пора уходить. Она поняла: если она хочет чего-то добиться, действовать надо сейчас, и предложила выпить на прощание. Он согласился и не заметил, как она подсыпала ему в стакан снотворное.

Лежавший на кровати Кардинали наблюдал за ней, и сейчас в его лице не было ни капли доброты. Он смотрел на Стеллу так, будто перед ним был равный по силе противник, а не нервная и неопытная девица из клуба, не мягкосердечная и слабая девчонка, какой ее всегда считали родители.

- Меня зовут Карлотта, - сказала Стелла. - Я говорила тебе это в клубе.

- А, ну тогда тебе придется извинить меня за плохую память. Наверное, кто-то подмешал мне что-то в выпивку. - Данте поерзал, словно устраиваясь поудобнее, и это движение привлекло внимание Стеллы к его красивому, мускулистому телу. - Ты что, собираешься всю ночь стоять тут и болтать со мной? Или ты все же хладнокровно пристрелишь меня? Если первое, то я поплюю. Надеюсь, ты не станешь возражать. Все эти развлечения ужасно утомляют. - Он снова поерзал, и Стелла уловила теплый и экзотичный, с нотками сандала, аромат его одеколona.

- Неужели тебе безразлично, что я буду делать? - спросила она.

- Раз ты не собираешься убивать меня, то не особенно.

У Стеллы зачесался палец, лежавший на спусковом крючке.

- Но ведь ты не знаешь, что я выберу.

- Дорогая, я же уже сказал тебе: если бы ты действительно хотела убить меня, ты бы давно это сделала.

«А ведь он прав. Давно бы убила».

Только вот не убила. Потому, что она не может стрелять в безоружного. И потому, что он должен узнать, ради чего ему придется умереть, иначе месть теряет смысл. А она вместо этого лжет напропалую и выдает себя за совершенно другого человека.

«А ведь я не хочу его убивать».

Стелла содрогнулась. Она должна убить его. Она по собственной воле взвалила на себя эту задачу много месяцев назад. Ради отца и ради памяти брата. Ради чести Монтефиори.

Око за око. Кровь за кровь.

Один из сыновей Луки Кардинали должен умереть, а так как до старшего, Энцо, ей не добраться, остается Данте.

Только вот...

В полумраке комнаты его глаза казались бездонными темными озерами, и эти глаза заглядывали прямо в душу.

– Опusti пистолет, солнышко, – тихо сказал он. – Не имеет значения, что я сделал, главное, что ничто не стоит страшного пятна на твоей совести.

Нет, ей нельзя опускать пистолет. Она должна помнить обо всем, что отец рассказывал ей о крови, чести и мести. Она должна быть сильной и, что важнее, непоколебимой. Нельзя допускать, чтобы эмоции ослабили ее.

И все же... ее рука дрожала, и Стелла не понимала, почему вдруг он стал беспокоиться о ее совести. Ведь ей абсолютно все равно, что будет после того, как она исполнит свою миссию.

– Моя совесть тебя не касается. – Стелла попыталась произнести это жестко и уверенно.

– Если ты все же намерена рискнуть и убить меня, тогда касается. – Он впился в нее взглядом. В его глазах не было страха. – Поверь мне, я не стою того, чтобы ты губила свою душу.

Любопытно. Он произнес это так, будто ее душа действительно чего-то стоит.

Стелла обнаружила, что ее рука опускается. Однако Данте не смотрел на пистолет, его взгляд был прикован к ней. Она вдруг ощутила тяжесть оружия. Сколько она ни силилась, ей так и не удалось понять, почему не нажала на спусковой крючок, когда у нее была возможность. Теперь у нее этой возможности не было.

«Ты потерпела неудачу».

Ее охватил стыд. Как у него это получилось? Как он смог сломить ее оборону? И почему она позволила ему?

После смерти Маттео она всячески избавлялась от всех эмоций, олицетворявших слабость, от тех эмоций, которые презирали ее родители. По идее, в ее сердце не должно было бы остаться места для жалости. Но, оказывается, какая-то часть ее проявила мягкость.

В Стелле забурлил гнев, горячий и яркий, он победил стыд. Не отдавая себе отчета в своих действиях, она отшвырнула пистолет на тумбочку и, наклонившись над Данте, оперлась руками на подушку по обе стороны от его головы. Его волосы казались иссиня-черными на фоне белого полотна. Она ощутила его запах и с наслаждением вдохнула его. Внезапно ей захотелось прижаться к нему и согреться теплом его тела.

– В чем дело, котенок? – спросил Данте, глядя ей в глаза. – Настало время показать мне свои коготки?

В его тоне не было ни грамма страха или сомнения. Он видел ее насквозь. И читал ее как открытую книгу.

Гнев Стеллы перерос в ярость. Как ему удалось разглядеть слабость внутри ее? Как он посмел воспользоваться этой слабостью? А она хороша! Почему она

допустила такое?

Ее тщательно подготовленный и исполненный во всех деталях план рухнул, причем только потому, что у нее не хватило духу сделать последний шаг.

Этому мерзавцу каким-то образом удалось подорвать ее решимость.

Что ж, если он хочет увидеть ее коготки, она не заставит его долго ждать. Она отлично знает, как причинить максимальный урон. Она хорошо изучила Данте Кардинали, в том числе и его сексуальные предпочтения. Он из тех, кому нравится все держать под контролем и кто всегда – всегда! – получает желаемое.

А сейчас он желает ее, это совершенно ясно. И это дает ей огромное преимущество над ним.

– Не коготки, – с наигранной ласковостью произнесла Стелла. – Тебе предстоит почувствовать мои зубки.

В следующее мгновение она укусила его.

Глава 2

Карлотте, в отличие от Стеллы Монтефиори, не были свойственны ни тактичность, ни робость, поэтому она просто сомкнула зубы на его нижней губе, и по телу Данте разлилась сладкая боль. Он мгновенно возбудился и инстинктивно попытался обнять Стеллу, забыв, что его руки прикованы наручниками.

Ее горячность явилась для него приятным сюрпризом. По сути, сюрпризом стало для него все то, что она сделала. Она была прекрасна: шелковистые золотистые волосы, перекинута на плечо, гладкая кожа, белизну которой подчеркивало голубое платье, пьянящий аромат духов. Ему безумно хотелось прижать к себе эту женщину, но, понимая, что такой возможности нет, он решил действовать по-другому: приоткрыв рот, он языком провел по ее губе.

Стелла на мгновение замерла, а потом разжала зубы. Данте поспешил укунить ее за нижнюю губу, правда, несильно. Просто для того, чтобы узнать, как она поступит.

Она отдернула голову и сердито посмотрела на него. Ее щеки залил румянец.

– Черт бы тебя побрал, – пробормотала Стелла.

– Почему? – хрипло спросил Данте. – Потому, что я не дал тебе сделать то, что ты не хотела делать? Потому, что ты не стала убийцей?

Вместо ответа, Стелла впилась в его губы жарким, жадным поцелуем.

Данте сразу стало ясно, насколько она неопытна, однако, несмотря на это, он почувствовал в этом поцелуе ее гнев и страсть, и от этого его интерес только усилился. Ему и раньше доводилось иметь дело с неопытными девушками, хотя он и старался держаться подальше от них. Доводилось ему сталкиваться и с гневом, и со страстью. Но такого, чтобы все три аспекта – гнев, страсть, неопытность – соединились в одной женщине, еще не было. Причем в женщине, которая едва не пристрелила его.

Хотя все это только усиливало его возбуждение, он сохранял здравомыслие и понимал: неопытность – это признак того, что женщина уязвима, какой бы хладнокровной и сильной она ни старалась казаться. Однако уязвимость не умаляла его интереса к ней. Он пытался понять, почему его упоминание о душе заставило ее опустить пистолет. Еще он пытался понять, почему она, осознав провал своей миссии и впад в ярость, не пристрелила его, а поцеловала.

– Котенок, – произнес он, едва касаясь ее губ, – ты точно знаешь, что ты делаешь?

В ответ она снова укусила его, на этот раз сильнее. Желание, охватившее Данте, было настолько жарким, что у него перехватило дыхание. Он был вынужден признать, что давно женщина не вызывала у него таких эмоций, но, сказал он себе, он не допустит, чтобы она легко получила желаемое.

– Солнышко, если тебе так хочется, придется попросить, – заявил Данте, отстраняясь от нее.

Стелла сердито фыркнула и попыталась снова поцеловать его, но он плотно сжал губы. Она подняла голову. В ее глазах пылал огонь ярости, щеки разругались. Она ничего не говорила, просто долго смотрела на него, затем выпрямилась и отошла от кровати.

Данте догадался, что она приняла какое-то решение. Эта женщина с каждой секундой все больше интриговала его, и ему не терпелось узнать, как она поступит дальше, как ответит на его вызов.

Очаровательная тюремщица молча стояла посреди комнаты, затем спустила с плеч бретельки, и шелковое платье медленно стекло на пол к ее ногам. Она предстала перед Данте в белых кружевных трусиках.

Такого он не ожидал. Но он не жаловался на такой поворот событий. Ни капельки.

За свою жизнь он повидал немало красавиц, однако сейчас его ошеломила не красота тюремщицы, а то, как величественно она выглядела: гордо поднятая голова, прямая спина и вызов в глазах. Она словно призывала его разорвать путы и приблизиться к ней. Пасть перед ней на колени.

У Данте учащенно забилось сердце, боль в паху стала нестерпимой. Он едва не задергал руками, но ему удалось в последнюю минуту восстановить контроль над собой.

– Ты так просишь? – осведомился он. – Если это просьба, то очень убедительная.

Стелла промолчала и медленно сняла с себя трусики. Они упали на пол, и она вышла из них.

Данте был потрясен, когда увидел, что внизу живота волосы у нее тоже золотистые. У него даже закружилась голова.

«Да что с тобой такое? Ты на себя не похож. Это не в твоём характере – так желать женщину».

Сейчас ему хотелось ощутить на себе её руки, почувствовать прикосновение её обнажённого тела. Оказаться внутри её. И побыстрее.

Все эти желания озадачили его. Он не хотел чего-либо хотеть. От злости на самого себя он заскрежетал зубами. Ему должно быть безразлично, поцелует ли она его, прикоснется ли к нему! Для него это не должно иметь никакого значения!

«Но если для тебя это не важно, почему ты все еще подумываешь о том, чтобы отказать ей?»

У Данте не было ответа на этот вопрос.

– Слушай, котенок, не стой там без дела, – как можно небрежнее сказал он. – Подойди поближе и дай мне взглянуть на тебя.

Вероятно, Стелла услышала напряженные нотки в его голосе, – на её лице отразилось нечто сродни удовлетворению. Она неспешно подошла к кровати и окинула Данте изучающим взглядом. Увидев бугор у него под брюками, она очаровательно покраснела, однако глаз не отвела.

Данте будто пронзила молния.

Да что она вытворяет с ним!

– У меня встает на любую женщину, – с деланой беспечностью сказал он. – Так что твоего обнажённого тела мало, чтобы хорошенько возбудить меня.

Она пренебрежительно усмехнулась:

– А кто говорит, что я хочу возбудить тебя? Может, я просто хочу поиграть с тобой.

Вот хитрюга. Значит, сейчас будет борьба за власть? Она видит, в каком он состоянии, и наверняка решила воспользоваться своим преимуществом. Это ясно как день.

Что ж, пусть попробует. Может, ему и будет трудно сохранить хладнокровие, но он мастер в постельных сражениях за власть. Даже прикованный за руки и за ноги.

– Совершенно очевидно, что я не стану возражать, – сказал он. – Только предупреждаю: если тебе так хочется поиграть, ты должна знать, на что идешь.

– А кто сказал, что я не знаю? – Она вытянула руку и погладила его обтянутый тканью брюк бугор.

Данте едва не застонал от сладостного ощущения, но быстро взял себя в руки и бесстрастно посмотрел на Стеллу. Она неопытна, что отлично доказал ее поцелуй. Он обычно не использовал неопытность в своих интересах, однако сейчас, при сложившихся обстоятельствах, нищие, как говорится, не выбирают.

– Ты, дорогуша, должна знать, во что ввязываешься. Маленькому котенку будет трудно одолеть меня.

Стелла опять погладила его возбужденную плоть.

– Ты слишком дерзок для мужчины, прикованного наручниками.

– А ты слишком уверена для девственницы.

Она стала пунцовой и отвела взгляд. Данте был очень доволен собой. Во-первых, его догадка оказалась верной, а во-вторых, он прав насчет ее неопытности. Он наверняка первый мужчина, к которому она прикасается таким вот образом. И вообще, он наверняка первый мужчина, перед которым она разделась.

Он всегда сторонился девственниц, да и девственницы не стремились завязать с ним отношения, однако сейчас ему почему-то было приятно от мысли, что именно эта женщина – девственница. Ему это очень нравилось.

Девственница с пистолетом. Гм... чрезвычайно интригующе.

– Не смущайся, дорогуша, – сказал он, пристально глядя на нее. – Я тоже когда-то был девственником. – Хотя, если честно, он уже не помнил, когда и как лишился девственности.

Она довольно долго молчала, потом вдруг вскинула голову, быстро забралась на кровать и села верхом на своего пленника. Данте даже сквозь одежду ощутил, как горяча ее кожа.

Милый, милый котенок.

Она наклонилась над ним, и у него пересохло во рту, когда он перевел взгляд на ее покачивающиеся груди. В этой женщине не было ни капли робости – во всяком случае, Данте этого не видел.

– Я не смущаюсь. – Она потянулась к верхней пуговице его рубашки. – С какой стати?

Данте улыбнулся.

– Действительно, для этого нет причин. Но если тебе так хочется поиграть со мной, предлагаю сначала выучить правила игры. – Он сделал паузу. – Ты же не хочешь проиграть с первой попытки, ведь так?

На одно короткое мгновение в ее глазах промелькнуло сомнение. И тут же исчезло.

– Но я не собираюсь проигрывать, – холодно произнесла она, расстегивая пуговицы одну за другой. – Пусть я и девственница, но я не тупица. Мужчина – это просто мужчина. – Она оперлась ладонями на его голую грудь. – Вы сами сказали, мистер Кардинали: вы в моей власти. И вы ничего не можете с этим поделать.

Данте от души расхохотался, и Стелла наслаждалась звуком его голоса. Ей нравилось чувствовать под ладонями его крепкое тело, однако она понимала,

что это неправильно. Все должно было пойти по-другому. Она кусала его, прикасалась к нему, чтобы подразнить его тем, что ему недоступно. Чтобы доказать ему свою власть над ним и наказать его за то, что она потеряла самообладание.

Однако получилось так, будто она наказала саму себя.

Она не ожидала, что укус разожжет в ней такой огонь. Не ожидала, что его губы окажутся такими мягкими и вкусными, как темный шоколад, или выдержанный виски, или все семь грехов, соединившихся в один.

Она не ожидала, что он будет вот так смотреть на ее обнаженное тело и что она будет пылать под его взглядом. Не ожидала, что прикосновение к его возбужденной плоти будет доставлять ей такое наслаждение.

Не ожидала она и того, что у нее внутри поднимется такая неутолимая жажда.

Чтоб ему провалиться!

«Во всем виновата ты сама».

Это правда. Именно она решила укусить его, потом поцеловать, потом раздеться перед ним и прикоснуться к нему. А сейчас она вообще сидит верхом на нем, подвластная своему желанию.

Такое не должно было случиться. Сексуальное желание – это еще одна слабость, которую она изгнала из своей жизни. Только вот уж больно гладкая у него кожа под ее ладонями, уж больно красиво перекачиваются мышцы. И ей ужасно хочется на себе проверить, насколько он силен, хочется впитать в себя его жар.

– Бедный котенок. – Его низкий голос прозвучал хрипло, в нем слышалось удивление. – Ты ведь не понимаешь, да? Это не я в твоей власти. А ты в моей.

Что за дерзость – говорить такое, когда лежишь прикованный к кровати! И все же...

Стелла чувствовала, как его власть проникает в нее, подстегивает страсть и вынуждает ее дать волю этой страсти. Ее дыхание участилось.

«Ты слаба. Ты всегда была слабой».

Стелла выкинула эту мысль из головы. У нее есть только один ответ, и он состоит в том, что она должна быть сильной. Ей придется быть сильной, если она хочет преодолеть то настоящее желание, подталкивающее ее к капитуляции.

Ведь Данте Кардинали казался таким простым. Ведь она считала, что им движет исключительно поиск удовольствий, что он раб любого милого личика, оказавшегося у него на пути.

Получается, что раб не он. А она.

- Нет, - прошептала она скорее себе, чем ему, - я ни в чьей власти.

- Тогда докажи это. - Его глаза задорно блеснули. - Слезь с меня и отойди от кровати. Надень платье и уйди.

Он приподнял бедра. Стеллу пронзило будто молнией, и она не смогла сдержать тихий стон.

- Давай, - хрипло проговорил он. - Если думаешь, что у тебя получится, - давай.

У нее получится. Обязательно получится.

Данте стал ритмично двигаться под ней, и она вся затрепетала. За прошедшие полгода она во многом отказывала себе, чтобы стать лучше и сильнее, чем та девчонка, что предала собственного брата и способствовала его заключению в тюрьму. Отказывала она себе и в физических удовольствиях. Она считала, что не лишает себя чего-то особенного, но...

«Слезай с него. Уходи. Отвергни его. Ведь ты именно так и собираешься поступить, да?»

Конечно да. И она слезет с него. Вот прямо сейчас.

Только...

Ей хотелось и дальше чувствовать под ладонями его тело, ощущать его ритмичные движения, которые буквально загипнотизировали ее.

«Ты должна что-то сделать».

Он рассчитывает, что она не слезет. Это же очевидно. Он уверен, что она так и будет сидеть на нем, останется в его власти. Что все будет так, как он сказал. Лишь потому, что другого не допустит ее тело. Получается, что она должна сделать что-то еще, чтобы доказать свою силу.

Сдвинувшись немного ниже, Стелла дрожащими руками принялась расстегивать его брюки. Когда ее пальцы обхватили его пенис, большой, твердый и горячий, она ошеломленно заморгала.

– Стелла. – То, как он произнес ее имя, напоминало голодный рык мощного хищника. – На твоём месте я бы этого не делал.

Но было поздно. Назад дороги не было. Если бы она пошла на попятный, вечер превратился бы в еще большую катастрофу, а она бы вскрыла всю глубину своей слабости.

Стелла подняла голову и посмотрела Данте в глаза.

– Что ты хочешь, чтобы я доказала?

Не дожидаясь ответа, она приподнялась над ним и стала медленно опускаться на его пенис.

Ощувив его внутри себя, Стелла испытала непередаваемый восторг. Она не почувствовала никакой боли, лишь небольшое напряжение во влагалище, которое заставило ее издать тихий вскрик.

Улыбка исчезла с лица Данте, и, когда Стелла полностью опустилась на него, он издал горловой звук. Повинуясь наитию, она задвигалась. Желание побуждало ее двигаться все быстрее и быстрее, она приподнималась и опускалась в каком-то чарующем ритме. Данте молчал, его бедра двигались в унисон с ее. Оба, не отрываясь, смотрели друг на друга, и пружина наслаждения внутри их стала стремительно раскручиваться, устремляясь к свободе.

Для Стеллы вселенная сузилась до двигавшегося под ней тела. Она не представляла, что соитие может быть таким, что внутри ее может гореть такой жаркий огонь, что страсть бывает такой сильной. Что желание утолить эту страсть может быть таким непреодолимым.

В помещении было прохладно, однако Стелла покрылась испариной. Она двигалась вместе с Данте, интуитивно подстраиваясь под задаваемый им ритм, и вместе с ним неслась к яркой звезде, которая все время оказывалась вне досягаемости.

– Возьми себя, – проговорил он. – Вот прямо сейчас.

Она без колебаний подчинилась ему и сунула руку между бедер. Новое ощущение подействовало на нее как взрыв бомбы. Закричав, она запрокинула голову и почувствовала, как все ее тело напряглось, и в следующее мгновение ее окатил острый иступленный восторг.

Когда восторг схлынул, Стелла рухнула на Данте. Прижимаясь щекой к его груди, она думала, что он напоминает нагретую солнцем скалу. Закрыв глаза, она вслушивалась в мощные удары его сердца. Биение его сердца почему-то успокаивало ее так же, как мерный плеск морских волн...

– Котенок, – произнес Данте Кардинали.

Успокоение растаяло, как снег, и оставило после себя холод и сомнения. Опершись на дрожащие руки, она приподнялась и заглянула ему в глаза.

«Что ты наделала? Ты же должна была убить его, а не играть с ним в игры. И ты точно не должна была спать с ним».

Стыд навалился на нее и лег на плечи тяжелым грузом. Это было ошибкой. Ужасной, страшной ошибкой.

- Стелла, - сказал Данте.

Она больше не могла находиться в этой комнате, среди руин своей миссии, свидетельств своей слабости.

Быстро скатившись с него, она спрыгнула с кровати, подобрала платье, трусики и маленький клатч и поспешила к двери. Ноги плохо слушались ее, они казались ватными.

- Стелла, - повторил Данте, на этот раз с большей настойчивостью.

Она не обернулась. У нее не было сил смотреть на него.

Открыв дверь, она выбежала в коридор, а Данте все звал и звал ее.

Глава 3

- Ну, Данте, и что ты об этом думаешь? - спросил Энцо. - Как нам поступить: принять предложение Токио или придерживаться плана нью-йоркского офиса?

Данте не слушал его, беспокойно расхаживая взад-вперед перед окном совещательной комнаты лондонского отделения «Кардинали девелопмент». Стекло заливал дождь, скрывая вид на город внизу, хотя этот вид интересовал его в той же степени, что и вопрос брата.

Потому что его мысли были заняты Стеллой Монтефиори.

Прошел месяц с того дня, когда она сбежала после на удивление самого страстного и острого соития в его жизни и оставила его прикованным к кровати в гостиничном номере в Монте-Карло.

И с тех пор им владело не просто возмущение, а самое настоящее бешенство.

Его бесило вовсе не то, что она опоила его, приковала к кровати наручниками и попыталась убить. Нет, ярость у него вызывало то, что она, во-первых, сбежала, даже не поблагодарив, и что, во-вторых, он не мог не думать о ней.

И думал о ней постоянно.

Все эти недели он вспоминал, как она сидела на нем верхом, как лежала у него на груди, как закричала, дойдя до экстаза. Как в ее взгляде отразилось удивление, когда она опустилась на него. Как это удивление сменилось восторгом. Он был потрясен этим, тем более что ему никогда раньше не доводилось видеть такой взгляд у женщин. А еще польщен – ведь именно он подарил ей этот восторг.

Весь прошедший месяц он провел в попытках найти ее. И эти попытки закончились печальной неудачей.

– Данте, ради всего святого, – рассердился Энцо. – У меня от тебя уже голова болит.

Заморгав, Данте повернулся и сунул руки в карманы брюк. Энцо стоял у длинного полированного черного стола для совещаний и сердито смотрел на брата.

– Так ты объяснишь мне, в чем дело? – спросил он. – Или будешь и дальше расхаживать по комнате, изображая меня?

Действительно, такое расхаживание взад-вперед было в характере Энцо, а не Данте.

Данте попытался успокоиться. У него не было желания рассказывать о Стелле. Пока, во всяком случае. Сейчас Энцо впервые в жизни был счастлив, и ему не хотелось портить брату настроение историями о покушении на его жизнь.

– Ничего не случилось, – ответил Данте. – А почему ты решил, что что-то не так?

– Потому что ты не услышал ни слова из того, о чем я говорил, и метался тут, как Саймон, которому не терпится вырваться из дома и поиграть.

– Только я не бешусь так, как Саймон. – Данте не очень понравилось сравнение с малолетним племянником.

Энцо многозначительно изогнул одну бровь.

– Ты намекаешь на взрывной характер моего сына? Если так, то...

– Естественно, нет, – раздраженно отрезал Данте.

Воцарилось напряженное молчание.

– Ну? – процедил Данте, недовольный тем, что брат неотрывно смотрит на него. – Я же сказал, что нет никаких проблем.

– Я поверю в это так же, как в то, что наш отец жив, прекрасно себя чувствует и мирно правит домом, – сухо произнес Энцо. – Поэтому рассказывай. Саймон через пару месяцев идет в школу, и ему меньше всего надо, чтобы в СМИ начался скандал, связанный с его дядей.

Полгода назад Энцо женился на Матильде и стал слишком трепетно относиться к репутации своей семьи. Данте это раздражало. Раньше брату было плевать на его романы, однако в последнее время тот превратился в самого настоящего блюстителя нравов.

– Это никак не задевает «Кардинали девелопмент», – заверил его Данте, пытаясь выдавить из себя улыбку. – Или Саймона. Просто у меня возникли кое-какие затруднения.

Энцо нахмурился.

– Она не замужем, а?

– Братец, прошу тебя. Похоже, что ты совсем меня не знаешь.

Энцо прищурился и изучающе взглянул на Данте.

– А ты врешь.

– Не вру, – со всей искренностью произнес Данте.

– Кажется, она запала тебе в душу, если смогла превратить тебя в комок нервов.

Данте не собирался посвящать брата в историю со Стеллой Монтефиори. Как только выбрался из гостиничного номера, он тут же позвонил своей личной помощнице и попросил собрать как можно больше информации о семействе Монтефиори. На следующий день помощница представила полное досье, которое он долго изучал, пытаясь понять, с какой стати Стелла решила прикончить его.

Вскоре это выяснилось.

Монтефиори были одной из ведущих аристократических семей на Монте-Санта-Мариин. Они вложили практически все, чем владели, в избирательную кампанию отца Данте, и, когда тот стал королем, всячески поддерживали его. Однако после его изгнания они лишились всего и стали нищими. Новая власть обвинила семейство Монтефиори в пособничестве мошеннику. Стефано Монтефиори удалось выкрутиться, а вот Маттео, его старшему сыну, нет. Его заключили в тюрьму вместе с другими сторонниками Луки Кардинали, и через несколько лет он там умер в заключении.

Не надо было обладать большим умом, чтобы догадаться, зачем Стелла Монтефиори хотела убить Данте: она и ее отец жаждали его крови в отместку за смерть брата и сына.

Это была самая настоящая сицилийская вендетта.

Только у Стеллы ничего не получилось.

– Ты же знаешь, как бывает, – сказал Данте. – Нормальная женщина может... при определенных обстоятельствах превратиться в смертельное оружие.

– Вот как? Ты не хочешь рассказать мне об этой женщине?

– Нет, – ответил Данте.

– В таком случае настоятельно прошу тебя сосредоточить свое внимание на...

В кармане у Данте завибрировал телефон, и он напрочь забыл о брате, когда посмотрел на экран.

Сообщение было от частных детективов, которых он нанял, чтобы разыскать Стеллу, и содержало адрес в Риме.

Он улыбнулся, и в нем поднялось какое-то чувство, которому он не смог подобрать название. Радость? Нет, не то. Скорее дикое, необузданное ликование.

Для него стало разочарованием то, что ему все не удавалось найти ее, что она то и дело ускользала от людей, которых он отправил на ее поиски.

И вот теперь она в его руках.

И от него она не ускользнет.

«Похоже, она тебе небезразлична».

Естественно, небезразлична. Правда, он еще не решил, что сделает с ней, когда найдет. Возможно, если он будет настроен милостиво, то просто предупредит ее о том, что обратится в полицию, если она еще раз попытается покуситься на его жизнь. А вот если никакого благорасположения к ней он в себе не обнаружит, тогда просто вызовет полицию.

«Но ведь тебе этого совсем не хочется...»

Ну конечно, Данте не хочется так поступать с ней. Да, ему хочется немножко наказать ее за то, что она заняла такое большое место в его мыслях и воспоминаниях, от которых он не может избавиться весь последний месяц. И по сути, это будет не наказание, только вот кричать она станет в полный голос.

– Ты выглядишь довольным, – заметил Энцо. – Может, ты теперь меня слушаешь?

– Дело в том, – ответил Данте, убирая телефон в карман, – что мне придется возвращаться в Италию.

– Ясно, – сухо произнес Энцо. – Надеюсь, это никак не связано с той женщиной?

Данте лучезарно улыбнулся брату:

– Ни в малейшей степени. Я могу воспользоваться самолетом? Отлично. Я срочно вылетаю.

Энцо фыркнул:

– Что насчет Токио?

Однако Данте уже спешил к двери.

– Ты и сам знаешь, что делать с Токио, – бросил он на ходу. – Не откладывай, братишка.

Через несколько часов он приземлился в Риме и тут же пересел в машину, вызванную для него помощницей. Он дал водителю адрес, присланный детективами, и попросил доставить его туда как можно скорее. Движение в городе, как всегда, было плотным, и Данте изнывал от нетерпения. Наконец машина свернула в район узких грязных улиц и обшарпанных многоквартирных домов. Ему сразу вспомнился убогий квартал в Неаполе, куда его привезла мать. Энцо тогда остался с отцом в Милане. По приезде в Неаполь мать сказала, что здесь у них начнется новая жизнь, не омраченная вспышками ярости и эгоизмом Луки. Это же здорово, правда? Нет, брата у него не будет, зато у него будет она, что гораздо важнее. Разве он не любит ее?

Данте любил свою мать и поэтому не спорил. Он не переживал из-за разлуки с грозным отцом, а вот брата ему не хватало. Однако он скрывал свою тоску, чтобы не расстраивать мать. Особенно когда ее запои участились.

Водитель остановил машину и скептическим взглядом окинул кучи мусора и граффити на стенах ближайшего дома.

– Мистер Кардинали, – спросил он, глядя в зеркало заднего вида, – могу я сопроводить вас в качестве телохранителя?

– В этом нет надобности, Джорджио, – отмахнулся Данте. – Я вырос в трущобах Неаполя.

Насколько было ему известно, семья Монтефиори жила в нищете на Монте-Санта-Марии, поэтому его удивило, что Стелла оказалась в Риме. Конечно, в большом городе спрятаться легче, и все же... Здесь не самое хорошее место для маленькой, хрупкой и очаровательной женщины. Хотя она великолепно владеет оружием, напомнил он себе, так что ей по силам постоять за себя.

Данте мимо стайки юнцов прошел к подъезду. Один из мальчишек что-то сказал ему вслед, однако он лишь оглянулся и грозно посмотрел на него. Ему было тринадцать, когда его пять раз подряд сильно избили в уличной драке. В ту ночь он решил, что сыт всем этим по горло и что нужно найти человека, который научил бы его защищаться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.me/eshenden_dzheki/odin-shans-na-soblaznenie

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)